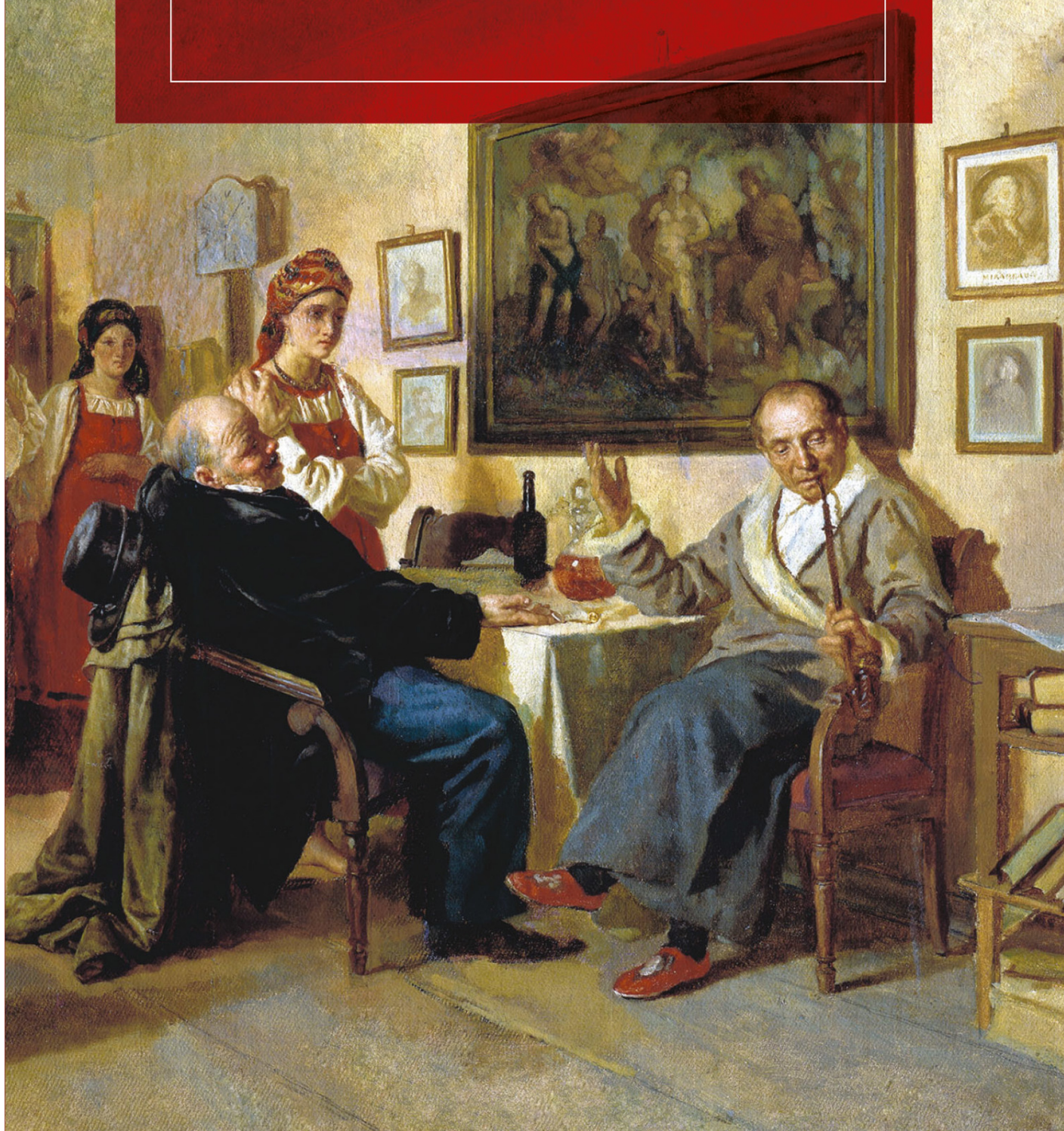

Е. Н. Щепкина

СТАРИННЫЕ
ПОМЕЩИКИ

НА СЛУЖБЕ И ДОМА

Екатерина Щепкина

**Старинные помещики на
службе и дома. Из семейной
хроники Андрея Тимофеевича
Болотова (1578–1762)**

Издательство «Кучково поле»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Щепкина Е. Н.

Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники
Андрея Тимофеевича Болотова (1578–1762) / Е. Н. Щепкина —
Издательство «Кучково поле»,

ISBN 978-5-9950-0646-6

Книга «Старинные помещики на службе и дома» – это расшифровка и разъяснение знаменитых «Записок» С. Т. Болотова, выполненные в конце XIX в. Е. Н. Щепкиной, историком-исследователем и великолепным популяризатором исторической науки. Пользуясь указаниями самого автора, Щепкина обобщила различные исторические документы, дополнила рассказ Болотова, пересказала и прокомментировала текст его «Записок», внося в них документальную ясность.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0646-6

© Щепкина Е. Н.
© Издательство «Кучково поле»

Содержание

Страницы жизни и «драгоценнейших писаний» Андрея Тимофеевича Болотова	6
От автора	14
Старые поколения	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Екатерина Николаевна Щепкина
Старинные помещики на службе и
дома: Из семейной хроники Андрея
Тимофеевича Болотова (1578–1762)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

Страницы жизни и «драгоценнейших писаний» Андрея Тимофеевича Болотова

Целые десятилетия англичане почти не читали Шекспира – просто не понимали. Язык великого драматурга и поэта с годами все больше и больше отличался от их собственного. Только в середине XIX века сестра и брат Анна и Чарльз Лем прозой пересказали пьесы Шекспира современным им английским языком. И с той поры Великий бард стал постепенно превращаться в объект массовой культуры – английское «наше все».

Нечто похожее, хотя, разумеется, в самых скромных размерах и с обязательным еще недавно классовым подтекстом, случилось и в России. Имя нашего героя – Андрей Тимофеевич Болотов, признанный теперь первым русским ученым-энциклопедистом (7 октября 1738 – 3 октября 1833 ст. ст.). Жил он преимущественно в XVIII столетии, написал свой главный труд – знаменитые «Записки» – на рубеже века XIX, но уже к началу XX века понятен был в основном специалистам-историкам. Язык, герои и образы сочинений Болотова и сейчас воспринимаются читателем без труда, а вот исторические реалии его описаний требуют расшифровки, точнее – подробных разъяснений. Ведь даже за первые сто лет, прошедшие после смерти Андрея Тимофеевича, образ жизни русского человека претерпел большие изменения. Появление на страницах книги какой-нибудь ксандрейки ставит читателя в крайне затруднительное положение. Слово вроде бы знакомо, но что оно означает? На самом деле это всего лишь предмет женской одежды, просто давно вышедший из употребления. А что уж говорить о каких-нибудь юридических терминах дворянского землевладения? Тут и сухопутный дворянин-феодал станет плавать без помощи приказного, не то что читатель.

За расшифровку и разъяснение «Записок» Андрея Тимофеевича Болотова в конце XIX века взялась Екатерина Николаевна Щепкина (1854–1938) – скромный петербургский историк-исследователь и великолепный популяризатор исторической науки. Пользуясь небольшими указаниями самого Болотова, она подобрала по архивам разного рода исторические документы, ему самому чаще всего недоступные, а то и вовсе неизвестные, которыми дополнила рассказ Андрея Тимофеевича, а заодно пересказала и прокомментировала обширный текст «Записок», закончив свои исторические изыскания моментом выхода их автора в отставку. Щепкина, прежде всего, внесла документальную ясность в описание ряда семейных событий в жизни Болотовых, о которых сам Андрей Тимофеевич имел весьма смутное представление, основанное преимущественно на родовых преданиях, тогда как Щепкина нашла архивные документы, частью недоступные уже нашим современным исследователям. Так возникла книга «Старинные помещики на службе и дома».

Когда-то она вызвала немалый читательский интерес, но... известного рода исторические обстоятельства за целое столетие, прошедшее после выхода книги в свет, так и не позволили появиться ее переизданию. Кстати, нет в нашей стране и переиздания полного текста «Записок» Болотова, доступного широкому кругу читателей... В свет выходят только сильно сокращенные издания с большими купюрами, что тоже находит свое идеологическое объяснение. В первые послереволюционные годы троцкисты-литературоведы умело обрезали текст «Записок», дабы выпятить одни обстоятельства и факты и спрятать другие.

Екатерина Николаевна Щепкина, автор «Старинных помещиков», принадлежала к числу первых русских женщин-историков. Однако для истории России оказалось много важнее то, что сама она была одной из первых русских феминисток, пламенным борцом за равноправие женщин.

Екатерина Николаевна родилась на Волге, в Саратове, но большую часть жизни провела на берегах Невы. Главным, а после революции и вовсе единственным ее занятием, стала преподавательская деятельность. Ей, особе суховатой, а по временам и вовсе жесткой, такой род занятий явно доставлял удовольствие. Екатерина Николаевна, подобно простой учительнице из земской школы, умела и разжевать, и заставить проглотить необходимый ученикам и особенно ученицам объем знаний. Учительский дар, теперь все реже и реже встречающийся в высокоумном педагогическом сообществе.

Как водится в дамской среде – и самой передовой, и самой отсталой – еще до революции в печати вполне на кухонный манер поругались две видные сторонницы женского равноправия. При большевиках Екатерине Николаевне эта ссора стоила права печататься. Ее противницей оказалась генеральская дочка по фамилии Домонтович, впоследствии более известная как товарищ Коллонтай. Всесильная большевистская комиссарша первых послереволюционных лет, а потом мелкий советский дипломат, выставившаяся официально советской пропагандой скорее в виде знамени живой ленинской гвардии, нежели бывшая реально действующим политическим деятелем.

За такое ли женское равноправие боролась до революции госпожа Щепкина – сказать сложно, но ссора с видной большевичкой-ленинкой дорого обошлась Екатерине Николаевне. Постепенно ее публикации, до революции весьма частые, в свободной Советской России сходят на нет. Даже дата ее смерти в некоторых источниках приводится со знаком вопроса. Откровенным «врагом народа», подобно многим другим, более известным Щепкиным, Екатерина Николаевна вроде бы не стала. Ее просто и без затей признали буржуазной «умной ненужностью» вкупе с ее же старорежимными сочинениями и откровенно позабыли. Не помогло даже мнимое родство с великим актером-демократом из бывших крепостных.

Запоздалая слава пришла к Щепкиной лишь с возрождением в России капитализма и его верного спутника – феминизма. Публикации Екатерины Николаевны по женскому вопросу стали перепечатываться разного рода новыми женскими общественными объединениями и организациями. Исторические труды Щепкиной мало кого интересовали. Ее собственная жизнь и судьба, похоже, тоже.

Историю мелкопоместных русских дворян вроде Болотовых проследить и сегодня довольно сложно, хотя и легче, чем простых крепостных крестьян. Правда, сравнительно недавно вышло в свет историко-родословное исследование потомка Андрея Тимофеевича – А. Л. Толмачева «Коширские Болотовы», так в ней на старый лад именуется современная подмосковная Кашира, прежде относившаяся к Тульской губернии. До революции архивы, где хранились документы по землевладению, оставались еще действующими – цари так и не решились отменить земельную собственность ни помещиков, ни, позднее, капиталистов. Это обстоятельство явно несколько облегчило работу Щепкиной, а вот все, что относилось непосредственно к самому Андрею Тимофеевичу, к его многогранному творчеству, оказалось доступно Екатерине Николаевне значительно в меньшей степени. Потому-то, вероятно, творческая «дружба» Щепкиной и Болотова продлилась так недолго. Екатерина Николаевна закончила свое исследование жизни Андрея Тимофеевича на момент его ухода с военной службы и переезда в крохотную провинциальную усадьбу Дворяниново. Казалось бы, тут, в глубокой и глухой провинции, все устремления и чаяния Андрея Тимофеевича должны были заглохнуть «в глуши забытого селенья» и найти забвение на дне бутылки. Вместо этого начался подлинный взлет Болотова – ученого, садовода, естествоиспытателя, бытописателя, исследователя и внимательного наблюдателя природы, а равно и человеческого бытия.

Современные исследователи смогли дополнить работу Щепкиной одной весьма любопытной деталью, что, надо полагать, уже при жизни Болотова отошла в область давних семейных преданий «старины глубокой», и отошла довольно далеко, так что о ней старались без

особой надобности не вспоминать. Эта деталь рассказывает о самом раннем времени в истории будущего дворянского рода Болотовых. Известно, что приукрасить свои фамильные прозвища старалось немалое количество представителей дворянских родов – как известных, так и не очень. К последним относились и Болотовы. Все же именоваться в честь безвестного болота, где живут исключительно лягушки и кикиморы-шишиморы – удовольствие не слишком большое, а если его помножить на пресловутые дворянские честь и спесь, то получится смесь не очень приятного разлива. Вот как-то раз Болотовы и решили несколько приукрасить свою фамилию. Ведь в оригинале она могла звучать как Балотов, то есть при «акании» ударение приходилось на первый слог.

Свидетельство тому нашлось на фамильном кладбище в тульском селе Русятино, где погребен и сам Андрей Тимофеевич. Балотовым назван его двоюродный племянник коллежский регистратор Андрей Михайлович (1776–1830); в надгробной надписи явно вкралась опечатка из разряда «как слышится, так и пишется». Это обстоятельство уточняет правильное, а не традиционное ударение в фамилии – Болотов.

В тюркских именах Болоте и Балоте соединилось несколько филологических проблем. Многие предки русских дворян перешли на русскую службу из Орды, с востока. Перешли, естественно, с тюркскими именами, от которых уже и пошли их русские фамилии – Лев Турген, к примеру, стал родоначальником Тургеневых, но Ивана Сергеевича, равно как и его однофамильца Николая Ивановича, никак не назовешь татарским писателем или декабристом. Обрусели. Болотовы, с ударением и на первый, и на второй слоги, происходят от тюркских предков по имени Болот, Балот или даже много более благозвучный Булат, ставший родоначальником тоже русских дворян, Булатовых. Кстати, имена эти по сию пору остаются в речевом обиходе восточных народов и никаких особых филологических споров не вызывают, тогда как во времена Андрея Тимофеевича правильное ударение не единожды становилось предметом для выяснения отношений, даже в стихах, правда, не особенно звучных. Такое вот начало биографии, отсутствующее в сочинениях самого Болотова.

Сам он считал, что наибольшее влияние на формирование его как человека эпохи оказали отец и книги. Юный Андрей стал читать их по примеру отца, которого потерял двенадцати лет от роду. Родитель засадил его за русскую грамоту с шести лет. Затем последовали немецкий и французский языки, основы самых разных наук и рисование. Будущий ученый-энциклопедист не получил привычного даже для тех времен систематического образования, но главное оказалось в другом. Он обрел любовь к каждодневному умственному труду, к пополнению запаса знаний. Уже в глубокой старости, потеряв слух и зрение, Андрей Тимофеевич с помощью окружающих все также активно интересовался происходящими событиями, получаемыми новинками литературы. Он никогда не унывал и старался не быть в тягость близким.

Болотов, в отличие от отца-полковника, не сделал карьеры – ни военной, ни государственной, хотя шансы к тому выпали ему не единожды. Не старался Андрей Тимофеевич и разбогатеть, хотя его небольшое крепостное сельское хозяйство было поставлено образцово, и если бы он торговал не только излишками... Даже сочинения свои Болотов печатал анонимно, без подписи и без гонорара. Пушкинское «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» осталось ему незнакомо. При этом Андрей Тимофеевич исписывал горы бумаги, выступал не только автором, но и редактором обширных периодических изданий. Увы, громадное число его многотомных сочинений осталось в рукописях. Да, не все они равнозначны, не все являются первоисточниками, многое в них основано на тщательно собранных слухах, но... Историческая наука сплетен не любит. Это удел любознательного читателя, которому доступ в архивохранилища закрыт.

Началась жизнь Андрея Тимофеевича с военной службы, когда отец записал его рядовым в Архангелогородский пехотный полк десяти лет от роду. При этом отец прибавил сыну год, что позднее стало причиной многочисленных служебных неприятностей и того, что Боло-

това обошли первым офицерским чином. Вступив в действительную службу почти недорослем, Андрей Тимофеевич уже в девятнадцать лет стал участником Семилетней войны. В 1758 году Архангелогородский полк стоял в Кенигсберге. В те времена грамотный офицер, способный к серьезной штабной работе, являлся редкостью, а Болотов и тогда уже выделялся на общем далеко не самом блестящем фоне полковых офицеров. В это время он пробовал себя в литературной работе и даже выступал на подмостках любительского театра – получал навыки культурной жизни, позднее очень пригодившиеся в жизни провинциальной. У него появились небольшая собственная библиотека и альбомы с собственноручными рисунками.

В 1762 году Андрей Тимофеевич без всякого знакомства стал флигель-адъютантом петербургского генерал-полицмейстера Корфа, приехал на берега Невы. Один из братьев Орловых, будущих графов, – Григорий, знакомец еще по Кенигсбергу, позвал Болотова принять участие в заговоре с целью возведения на престол императрицы Екатерины Великой. Чины, деньги и звания сыпались в ту пору, как из рога изобилия. Вот она, прямая дорога к богатству и славе, но... 14 июня 1762 года Андрей Тимофеевич ушел в отставку, воспользовавшись указом еще Петра III «О вольности дворянства». Ведь до той поры дворянин был подобен крепостному. Сорок лет – хочешь не хочешь – полагалось отдать государственной службе.

3 сентября 1762 года Андрей Тимофеевич прибыл в каширское имение отца Дворяниново, где за 12 лет устроил превосходное хозяйство. Своими опытами в сельскохозяйственной деятельности он активно делится с «Вольным экономическим обществом», вступив с его секретарем, а потом и президентом А. А. Нартовым в деятельную переписку. За свои труды Болотов трижды удостоивался наград общества. Нартов в 1774 году рекомендовал Андрея Тимофеевича управляющим собственных имений императрицы Екатерины Великой в Киясовской волости. Спустя два года Болотов получил в свое управление обширную Богородицкую дворцовую волость, которую царица приобрела для юного графа Алексея Григорьевича Бобринского – своего любимого сына, который в силу обстоятельств только и мог, что претендовать в будущем на управление этой волостью.

В Богородицке раскрылись многие таланты Болотова – архитектора, рисовальщика, градостроителя, садовода, мастера ландшафтной архитектуры, наконец, организатора сельскохозяйственного производства. Его трудами восхищалась лично императрица, причем восхищалась искренне – смысла льстить наемному управляющему не было.

2 сентября 1779 года Болотов познакомился в Москве с издателем Николаем Ивановичем Новиковым и с той поры стал одним из самых деятельных его сотрудников. Новиков пытался было привлечь Болотова к торговле книгами, но это предприятие успеха не имело, тогда как собственные многочисленные сочинения Андрея Тимофеевича приносили Новикову немалый барыш. Болотов старался почаще приезжать в Москву. Задушевные беседы с Николаем Ивановичем очень привлекали Андрея Тимофеевича. Не сходились они только в одном – Болотов выступал резко против масонства, тогда как Новиков считался в Москве главным и весьма активно действующим лицом сообщества «вольных каменщиков».

Смерть императрицы Екатерины II и переход Богородицка в собственность графа Бобринского заставили Андрея Тимофеевича выйти в отставку и вернуться в Дворяниново. В это время главным событием его жизни стал 1803 год, проведенный им в Петербурге по делам земельной тяжбы с соседом Пашковым. Собственно, Андрей Тимофеевич на государственной службе ничего не наворовал и жил только с этой земли в Тамбовской губернии, которую захватил сосед. Труды и деятельность Болотова к тому времени были уже хорошо известны не только в России, но и за ее пределами. Андрея Тимофеевича избрали в почетные члены иностранных ученых обществ, а потому не было ничего странного в том, что его, разумеется, по рекомендации друзей, принял сам император Александр Благословенный. Царь, не мудрствуя лукаво, просто подарил ему соседние земли.

О Болотове писать – не переписать. Театр, педагогика, стихотворчество, сельское хозяйство, живописное искусство, архитектура и еще множество ученых занятий Андрея Тимофеевича никак не поместились на этих страницах. Кажется, даже в собственных его «Записках» удалось написать далеко не обо всем. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» были начаты в Богородицке в 1789 году. Работа над ними продолжалась несколько десятилетий, поскольку производилась не враз, а прерывалась созданием других трудов.

В заглавие своих знаменитых «Записок» Андрей Тимофеевич вставил слово «приключения», хотя на самом деле приключений на его долгую жизнь выпало совсем немного. Он рано осознал свое призвание ученого-естествоиспытателя, а немного позднее призвание летописца – бесстрастного фиксатора, «списателя» событий современной ему жизни. XVIII столетие, век Просвещения, требовал от писателя именно просвещать, а равно и воспитывать. Поэтому Андрей Тимофеевич и взялся за «Записки», которыми старался дать своему многочисленному прямому потомству определенный нравственный урок, проще говоря – научить их жить. Ведь текст «Записок» не предназначался для публикации. Его следовало читать исключительно в семейном кругу, но, к счастью для всех нас, этот завет Болотова оказался нарушен.

Спустя менее полувека после смерти автора его «Записки» наконец увидели свет в журнале «Русский архив» П. И. Бартенева, а затем вышли отдельным изданием в четырех частях (1870–1873). К сожалению, семейство Болотовых относилось к наследию знаменитого предка с известной долей пренебрежения, если выразиться мягко. Часть его громадного архива оказалась безвозвратно утрачена, и, что особенно жалко, пропали заключительные части «Записок», доведенные до событий Отечественной войны 1812 года. Теперь, надо полагать, навсегда. Опубликованный текст воспоминаний заканчивается 1795 годом.

Громадный архив Андрея Тимофеевича оказался распылен и разрознен по нескольким государственным архивохранилищам страны. Время от времени появляются сообщения о прямых и настоящих потомках Болотова, но похоже, что исторические обстоятельства лишили их всего, что связано со знаменитым предком; по крайней мере, его замечательных бумаг. Надежды найти у них что-то «новенькое о стареньком», увы, призрачны. При этом любопытно, что двое внуков Андрея Тимофеевича по линии сына Павла и по меньшей мере двое правнуков, их сыновей, имели самое непосредственное отношение к литературе; на собственном примере знали ценность слова, хотя бы собственного или только собственного творчества. Среди потомства дочерей Андрея Тимофеевича имелись даже профессиональные архивисты высокого класса. Однако сохранности семейного архива и это обстоятельство помогло не особенно.

В советское время к Болотову-ученому, а не мемуаристу-феодалу, обратились лишь в 1940-е годы, после долгого забвения, когда очередная мировая война стала подступать к порогу социалистического дома, оборонять который ради «пролетарского интернационализма» охотников оказалось немного. Народ полагалось привлекать и воодушевлять иными героями. Тогда постепенно начал складываться «феномен Болотова». Андрей Тимофеевич превратился из «типичного помещика-крепостника» в героя и популярных брошюр, и серьезных научных трактатов, и музейных экспозиций, и живописных полотен. Жизни и трудам Болотова посвятил великолепную художественную книгу известный писатель Валерий Николаевич Ганичев. Она стала своеобразной вершиной широко отмечавшегося в стране 250-летия со дня рождения ученого-энциклопедиста. Четверть века спустя, в начале нового тысячелетия, 275-летие Болотова прошло почти незаметно. При возрождающемся капитализме уже не до героев прошлого; они не помещаются в рейтинги.

Андрей Тимофеевич Болотов прожил долгую и, можно сказать, счастливую жизнь, которую сам тщательно устраивал и благоустраивал. Пятеро детей, доживших до зрелых лет, –

четыре дочери и любимый сын Павел – казалось, понимали, что их отец являл собою человека, выходившего из разряда ординарных. Его наследие вроде бы стоило сохранять, но... Десять лет спустя после смерти Андрея Тимофеевича его любимое Дворяниново пошло с молотка. Заглох знаменитый парк, порушились без присмотра беседки и мостики, тиной и болотиной затянуло болотовский каскад прудов. А ведь здесь каждый уголок представлял собою тщательно продуманную и выпестованную картину природы. Хваленой дворянской чести не хватило на поддержание даже скромной усадьбы, которая требовала для того самых незначительных вложений и просто заботливых хозяйских рук. С середины XIX века и до октября 1917 года в Дворянинове сменился десяток владельцев, по большей части равнодушных к истории и прекрасному. Оказался среди них и небольшой монастырек, тогда как собственное потомство Болотова тянуло к размаху – в Оптину пустынь и Шамордино. Настоятельницей Шамордина монастыря, одной из крупнейших женских обителей в начале XX века, стала правнучка ученого-энциклопедиста. Надо отдать ей должное; железной рукой она великолепно наладила обширное монастырское хозяйство, которое многие десятилетия не смогли порушить ни девичьи склоки, ни пресловутые комбеды, ни колхозы с совхозами.

«Хозяева новой жизни», большевики, смотрели на Андрея Тимофеевича Болотова исключительно как на барина-паразита и помещика-кровопийцу. Они окончательно порушили все то, что еще сохранялось в болотовской усадьбе. О «русском энциклопедисте» следовало накрепко забыть, как и вообще забыть о «проклятом прошлом» России.

Даже знаменитые «Записки» Андрея Тимофеевича при большевиках стали издаваться в весьма урезанном виде, хотя они нехотя и признавались ценным историческим источником. Сочинения Болотова, вызывавшие в XIX столетии неподдельное восхищение читателей, в 1920-е годы попали в руки умелых проводников троцкистских идей. Издательство «Academia» не могло пройти мимо них, а его редакторы не могли не поглумиться над обширными и, в общем-то, бесхитростными текстами Андрея Тимофеевича. Купирование «Записок» производилось так ловко, с таким подлинно иезуитским искусством, что отрицательные стороны прежней русской жизни вроде издевательств над крепостными неожиданно выплывали на первый план, тогда как все положительное тщательно затушевывалось или исчезало вовсе. Сокращения делались десятками глав, а не страниц. Именно в таком урезанном виде и переиздается теперь главное сочинение Андрея Тимофеевича, а его многотомность притупляет бдительность даже опытного читателя.

В XVIII веке еще не успели изобрести ни телевизора, ни радио, ни фотоаппарата. Для того чтобы разнообразить досуг, а равно и запечатлеть уходящие мгновения жизни, в дворянских семьях составляли картинные книги. В следующем, XIX столетии их сменили много более скромные по объему и весу семейные альбомы, которые дожили почти до самого конца века XX-го.

Несколько картинных книг, как у настоящего дворянина, хранилось и у Андрея Тимофеевича Болотова. Он собственноручно составлял свои домашние книги, которые долгими вечерами служили подлинным источником вдохновения.

У Болотова имелось несколько картинных книг. Об одной он рассказывает сам, сообщая читателю, что им с женой пришлось провести несколько вечеров в приятных занятиях – разборе и наклеивании на листы толстеного фолианта всех имевшихся в доме картинок. Это были по большей части лубки, очень популярные в России народные картинки, а также всевозможные гравюры, привезенные Болотовым из путешествий – заграничных и по России. Обыкновенно такая книга лежала в гостиной на специальном столике и пользовалась вниманием как гостей дома, так и самих хозяев. В более поздние времена столики стали изящнее, тяжеленные книги сменили «альбомы уездных барышень», а позднее альбомы с семейными фотографиями, которые в наше время обыкновенно прячут в шкафах, или вовсе электронные

архивы, уже без бумажного носителя – дабы гарантированно потерять собственное прошлое при поломке электронного устройства.

Андрей Тимофеевич Болотов и сам был прекрасным рисовальщиком. Теперь его работы, правда, относят к жанру наивного искусства – к признанным его шедеврам. Натурные зарисовки или сделанные по памяти, но непосредственно под впечатлением событий, становились своеобразной частью дневника, подневных записей, как чаще говорили прежде. Жаль только, что по сию пору не издано полного собрания работ Болотова-видописца. Именно таким словом определялся некогда жанр его произведений.

Художественный талант Болотовых передавался из поколения в поколение, причем не угасая, как это обыкновенно случается, а наоборот, усиливаясь. Постоянным соавтором в создании акварелей и рисунков Андрея Тимофеевича стал его единственный и любимый сын Павел. Отец с малых лет приучал его к разного рода «художествам». Внук Павла и правнук Андрея Тимофеевича – Дмитрий Михайлович Болотов (1837–1907) – стал профессиональным художником, получил образование в Императорской Академии художеств. Работы его пользовались признанием публики, но... Неожиданно для всех Дмитрий Михайлович ушел в монастырь, стал послушником, а затем и рясофорным монахом Введенской Оптиной пустыни Козельского уезда Калужской губернии.

В середине 1980-х годов мне несколько раз довелось побывать в Оптиной пустыни. В главном соборе мирно располагался комбайн, служивший наглядным пособием студентам сельского ПТУ или техникума. В знаменитом скиту находился небольшой поселок. Постепенно мемориальные строения скита передавались Козельскому районному краеведческому музею. В домике Достоевского музейные работники создали чудесную мемориальную экспозицию, в соборе скита – историко-литературную. Теперь в скит, по слухам, пускают дважды в год.

О монахе Болотове тогда вроде бы ничто не напоминало, но ведь известно, что он много работал для монастыря. При внимательном осмотре поселка оказалось, что болотовские творения вполне сохранились – что значит умелое владение живописной техникой. Они располагались на фасаде бывшего надвратного храма скита при Святых воротах, под открытым небом, омываемые дождем и засыпаемые снегом. Болотовские росписи и тогда, спустя почти столетие после написания, не потеряли своих ярких красок.

Сестра Дмитрия Михайловича – Софья Михайловна (1845–1888?) – стала первой настоятельницей Шамордина монастыря, дочерней, так сказать, обители Оптиной пустыни, где принимали постриг женщины, но чаще девицы. Пост свой она заняла после двух браков, с Языковым и Астафьевым; согласилась уйти от мира не без душевной трагедии... Среди местных монахинь подвизалась и единственная, горячо любимая сестра графа Льва Николаевича Толстого Мария Николаевна, по мужу тоже графиня Толстая. Она много лет приезжала в Шамордино, прежде чем принять здесь постриг. Граф не единожды навещал в Шамордине сестру, хотя к ее постригу относился неодобрительно. Кстати, к началу XX столетия и в бывшей усадьбе Болотовых Дворянинове возник небольшой женский монастырь, так что стоило ли так опрометчиво покидать родовые земли, или уж не до родовой истории было бедным дворянам?

В Шамордине Толстой был знаком не только с игуменьей Болотовой, к которой он, похоже, оставался совершенно равнодушен как к очередной церковной бюрократке, будущей возможной начальнице любимой сестры, а вовсе не деятельнице духовного просвещения. Зато к Андрею Тимофеевичу Болотову Толстой относился с искренним восхищением, называя его «Записки» «драгоценнейшим писанием», а уж и в мемуарах, и в силе слова великий писатель толк явно знал.

К тексту книги Е. Н. Щепкиной необходимо дать небольшое пояснение историко-топонимического характера. Автор несколько раз употребляет слово «украина». Этим термином,

причем именно со строчной, а не заглавной буквы, определялись в русской исторической науке конца XIX столетия окраинные, а если сказать точнее – пограничные земли Московской Руси. Слово «украина» встречается и в более ранних документах, оставаясь в русском речевом и письменном обиходе не одно столетие. Граница, а, следовательно, и украина имела как с запада, так и с востока государства. Обычно этот термин не применялся в отношении северной части страны, а также юга, где степные просторы и наличие кочевников долгое время не позволяли с большой точностью определить государственную границу. Говорили просто – Дикое поле.

К Украине, называвшейся в XIX веке Малороссией, а ныне ставшей независимым государством, применяемый Щепкиной термин «украина» отношения не имеет.

Любителям и знатокам творчества А. Т. Болотова может показаться странным, что автор книги называет его родовое имение «Дворениново», через «е». Современная топонимическая традиция указывает на другой вариант названия – Дворяниново, через «я», вероятно, от слова «дворянин», «дворянское поселение». Надо полагать, что Екатерина Николаевна не сама выдумала такое название, а воспользовалась архивными документами XVII столетия, когда русский язык был ближе к старославянскому и народному. Ведь ей удалось найти немало документов, посвященных именно Дворенинову, и этот топоним ее нисколько не смущал. Подобного рода изменения названий в России встречаются достаточно часто. В «Дворянинове» в 1883 году был восстановлен нехитрый внешний облик усадебного дома автора «Записок»; была устроена небольшая историко-мемориальная экспозиция, воссоздан уникальный парк. Постепенно сквозь молодую поросль стали проявляться черты прежнего романтического болотовского садово-паркового ансамбля, выдающегося, единственного в своем роде памятника русского садово-паркового искусства.

Другое создание Болотова на тульской земле – художественный ансамбль уездного города Богородицка, знаменитого некогда имения графов Бобринских. Он начал перестраиваться и нарушаться самими хозяевами еще в XIX столетии. Здесь теперь тоже музей, и также многое напоминает о создателе усадебного и городского ансамбля Богородицка – Андрее Тимофеевиче Болотове, хотя потомки графов все больше заявляют о себе: мол, мы потомки Екатерины Великой, и основатель нашей династии прогулял и проиграл по парижам не один миллион от русского крепостного мужичка. Потом первого графа Бобринского крепко посадила под каблук скромная прибалтийская немочка, и уж до конца дней граф без ее воли пикнуть не смел. Это его свободолюбивое потомство устраивало драки в Московском университете на политической почве. А Болотов только строил да благоустраивал...

Сейчас читателю предстоит погрузиться в изучение русской жизни давно ушедшей эпохи. Путешествие это не станет легкой прогулкой, но от этого удовольствие от погружения в прошлое, надеюсь, нисколько не уменьшится, особенно с такими милыми спутниками, как ученый-энциклопедист Андрей Тимофеевич Болотов и его верная исследовательница-биограф Екатерина Николаевна Щепкина.

А. В. Буторов

От автора

Не раз воспользовавшись записками А. Т. Болотова для отдельных очерков¹, с помощью его указаний разыскав по архивным документам его предков XVI и XVII веков, мы решаемся теперь соединить в один связный рассказ все те данные для характеристики нескольких поколений одной и той же семьи из старинного служилого сословия, которые мы почерпнули из многотомных записок. Нас главным образом побудило к этому желание привести в тесную связь поколения допетровского времени с их жизнью и обстановкой, с поколениями первой половины XVIII века. Занимаясь только судьбами представителей служилого класса, мы прерываем свое повествование на том моменте, когда Указ о вольности дворянства закончил историю этого класса. В 1762 году наступает уже другая эпоха с усложнившимися общественными отношениями, с более широкими потребностями; жизнь поколений екатерининского века входит в новые рамки и с ними переносится в XIX век, поэтому посвященные ей две трети записок Болотова смело могут служить материалом для особой цельной работы.

В своем рассказе мы не беремся с одинаковым вниманием и проверкой разобрать все главы нашего источника; в силу этого, признаемся, рассказ выходит неровным, отрывочным. Но записки так подробны, касаются стольких сторон русской жизни даже за первую половину прошлого века, что отчетливый критический разбор требует всесторонней эрудиции, большого труда, кропотливого и мелочного, а это нам не по силам. Следует еще иметь в виду, что записки Болотова не простой дневник, не воспоминания, – это целое литературное произведение, написанное по обдуманному плану в легкой, занимательной форме; автор писал его на шестом десятке лет для своих взрослых и подраставших потомков по проверенным памяти и дополненным заметкам, которые он начал вести впервые в 1757 году, отправляясь в первый прусский поход. Для произведения поздних лет записки, в общем, правдивы, довольно искренни; но, частью в силу личных свойств автора, отчасти потому, что написаны с целью назидания, поучения юношества, они одноцветны, монотонны; автор явно старается не касаться темных сторон личной и общественной жизни, избегает всего малоназидательного, непригодных примеров. Это свойство сильно усложняет полную критическую разработку памятника; односторонние отзывы и характеристики автора требуют дополнений, дорисовки, и разбор одного источника грозит обратиться в полную историю русского общества XVIII века.

Старые поколения

В XV и XIV веках северные части нынешних Тульской и Калужской и юг Московской губернии составляли еще южную окраину государства: на ее землях отражались набеги крымцев, грозных врагов народного благополучия; все города этой окраины строились, соображаясь с дорогами, по которым крымцы приходили разорять Русь, и все входили в линии укреплений. Главной заботой летучих конных отрядов татар при выборе дорог на Москву было по возможности избегать переходов через реки; поэтому их главные пути на большей части своего протяжения представляли как бы водоразделы речных бассейнов. Решаясь по необходимости на переправы, они очень осторожно выбирали броды через реки и раз навсегда запоминали их. Все же броды, дороги и тропы, шляхи и сакмы, по-татарски, давно изучили и знали русские; их караулили, загораживали рвами, засеками. Главная дорога татар – так называемый муравский шлях – проходила по возвышенности между речками окского и донского бассейна и с дальнего юга, от Крымской Перекопи, вела к самой Туле. Далее, за Тулой, ожидали неизбежные переправы через Упу близ Дедилова, затем через Оку; близ Каширы находился едва ли не самый удобный брод, слывший Сенкиным. Все это надолго определило важное значение Тулы и соседних с нею городов: Каширы, Алексина, Дедилова, Крапивны. Многие годы туляки и каширцы жили в постоянной тревоге и ожидании набегов со степей.

Кашира, о которой впервые упоминается во второй половине XIV века, стояла в старину на левом берегу Оки у устья Каширки; но из военных стратегических соображений, чтобы удобнее задерживать переправу татар, город перенесли на правую сторону реки. Вместе с некоторыми другими украинными¹ городами Кашира не раз давалась в удел на кормление татарским царевичам и князьям; еще в 1532 году она была некоторое время за Шиг-Але-ем Базанским.

В царствование Грозного была вполне устроена правильная защита украинных городов от кочевников, причем боевую линию постепенно отодвигали все далее и далее на юг. Татар, однако, осталось очень много в Каширском уезде; в меньшем по числу жителей стану Туровском большинство помещиков – татары²; много их, вероятно, давно перекрещенных и обрусевших, скрывалось среди населения и других станов.

Если признать, что как раз близ Тулы проходил северный рубеж того пространства, которое в XII веке называлось народом степью, то этот старинный степной рубеж почти совпадает с северной границей черноземной полосы России³. К северу по средней Оке пойдут уже уезды с сероглинистой, не отличающейся плодородием, почвой; к их числу принадлежит и наш Каширский уезд.

В эпоху составления писцовой книги 1578–1579 годов мы находим среди старых каширских помещиков пять семей Болотовых и несколько деревень и урочищ с их прозвищем; три семьи жили в Безпуцком стану, одна в Тешиловском, именно та, потомком которой является автор мемуаров XVIII века, и еще одна в Ростовском стану. Андрей Тимофеевич Болотов рассказывает, что, судя по преданиям, предки его жили тоже в Безпуцком стану и оттуда уже переселились на те места Тешиловского, которыми довелось и ему владеть; акты вполне подтвердили это обстоятельство⁴. Безпуцкий стан был сравнительно густо населен, с большим количеством распаханной земли. Должно быть, тесно стало Ваське Романову, сыну Болотову, на старой дедине, и он перебрался и споместился, как тогда говорили, на более просторные места. Свое старое поместье он передал земляку Невскому⁵, а свою долю в обширной Болотовской пустоши с разоренными дворами – бедному мелкопоместному родичу Федору Малы-

---

¹ Украинными. – *Примеч. ред.*

хину-Болотову⁶. Эти безпущкие родичи были очень бедны для своего дворянского звания. Федор служил с низшего оклада, какой только полагался для детей боярских, с 50 четями в одном поле⁷; на деле же владел всего 35 четями пустой земли без крестьянских дворов; он не имел на ней даже помещичьей усадьбы. Рядом такая же пустошь без дворов в 86 четей в одном поле записана за другим родичем, Василием Ивановым-Болотовым. Этот официально служил со 100 четями. Его совладельцы в пустоши, Бохины, сильно пострадали от татарских набегов; один пропал без вести в плену, а другой покинул поместье и куда-то переселился.

Третий родич, Василий Петров⁸, перенес свой двор из старой разоренной деревни на новое место общей пустоши и положил основание деревне Новой-Болотовой. У Петрова показан, по крайней мере, помещичий двор, жилая усадьба, но и он в год переписи не отличался благоденством; числясь на официальном окладе в 100 четей, он имел всего 5 четей пашни при своей усадьбе да 28 четей перелогом. Оба первые безпущких родича, Малыхин и Василий Иванов, исчезли бесследно со своих мест и не появляются ни в каких документах более позднего времени. Только последняя новая деревушка несколько разрослась и после смутного времени в 20-х годах XVII века явилась поместьем старика Григория Васильева-Болотова, сына Василия Петрова. Так же бедны были поместьями Болотовы Ростовского стана. Там в слободке ГЦекиной жил отец с двумя сыновьями, Сенька Первый⁹; ему полагалось всего 10 четей в оклад, а его старшему – сыну 50 четей. Но в слободке на всех троих приходилось не более 50 четей довольно плохой земли.

Таким образом, члены нашего рода являются типичными представителями старинного сословия боярских детей. Судьбы этого сословия были довольно разнообразны и вполне зависели от экономического положения и служебных окладов. Лучшие богатейшие боярские дети выслуживались в придворные чины, попадали в списки московских дворян, жильцов и так далее. Низший слой, постепенно беднея, спускался до окладов в 30–15 четей. (20 десятин до 50), то есть таких, какие получали станичные и городовые казаки из вольных людей, защищавшие на украине и на степных сторожах татарские переходы и переправы. Такие боярские дети скоро исчезали из списка помещиков и терялись в толпе вольных людей, казаков и однодворцев. В XIII веке из них вербовали первых солдат драгун и рейтар, которых отдавали на выучку иностранным офицерам.

Василий Романов, перебравшись в Тешиловский стан¹⁰, занял довольно удобные для хозяйства земли по маленькой речке Дороховке близ более значительной Скниги, притока Оки; он имел 67 четей в поле (около 100 десятин) с 10 десятинами леса и хорошими покосами. Обилие речек делало это место весьма соблазнительным для помещика. Дороховка лет через 200 после первого Болотова¹¹ в жаркое летнее время имела не менее двух саженой ширины, а Скнига не бывала уже шести саженой и изобиловала рыбой; кроме того, тут же пробегали речки Щиголевка, Гвоздевка, Язвейва и меньшие ручьи. Отсюда Болотовы начали понемногу распространять свои владения в округе; но пока, в последние годы царствования Грозного, у Василия Романова в его Трухине имелась только собственная усадьба да три пустых крестьянских двора.

Писцовая книга застала каширское население в том бедственном состоянии, в какое привели его нашествия Девлет-Гирея 1571 и 1572 годов, когда выжжена была вся Москва и погибло от крымцев в общем до миллиона народу. Да и вне таких погромов сельское население с трудом удерживалось на землях мелких, бедных помещиков; крестьяне искали прежде всего поддержки и защиты у помещика, а на бедняков плоха была надежда. Круто приходилось мелкопоместным службы служить и семьи содержать на доходы со своих пустошей и крошечных деревенок.

Всякий юноша, дворянин или боярский сын, с 16 лет считался поспевшим в службу – новиком; если отец его не мог служить по болезни или старости, за ним записывали поместье

отца или наделяли, если было несколько братьев, особым окладом земли. Обыкновенно поместье оказывалось меньше официального оклада, который прописывали дьяки разрядного приказа.

Служилый люд города с его уездом составлял особый полк под начальством своих голов и сотников. Свои выборные окладчики проверяли имущественное положение земляков; они знали, за кем сколько четей, кто в какую службу годен, может ли привести с собой своих кабальных людей или нет; с их слов дьяки писали, у кого поместье мало или пусто без крестьян. Сообразно с этими данными между людьми делили денежное жалованье перед походом и во время его, от 6-10 рублей до 25.

Все помещики уезда по таким спискам¹² делились на статьи, главным образом, на четыре: 1) выборные, лучшие дворяне, легко переходившие в более аристократичный московский список, в государев полк, в жильцы и прочее; 2) просто городовые дворяне; 3) дворовые и, наконец, 4) боярские дети украинских городов; на окладе до 30 четей они уже стояли почти наравне с городовыми казаками; это разряд Федьки Малыкина, Сеньки Первого и др. Все эти статьи составляли главную массу нашего старинного войска – поместную конницу.

Как только государь объявлял войну какому-нибудь недругу из соседей, целая система приходила в действие, чтобы двинуть в поход служилых людей, мирно сидевших по деревням. Во все города, полки которых были назначены к сбору, из Москвы высылали сборщиков, обыкновенно из лиц доверенных и знатных. Сборщик приезжал в город с готовым списком местных служилых людей и получал еще дополнительный от воеводы или наместника уезда. Воевода же, с своей стороны, получал из Москвы царскую грамоту о войне и сборе войска и читал ее всенародно в своем городе. Он определял к сборщику несколько стрельцов и пушкарей своей команды, которые рассыпались по уезду собирать в город помещиков. Когда они съезжались, сборщик производил им разбор, то есть записывал, с какими силами каждый пойдет в поход, с каким количеством людей и лошадей. Тут же впервые записывали в разные статьи новиков. Затем он отводил весь полк в назначенное для сбора место, где сдавал его царскому воеводе. Последний принимал людей по спискам, снова вызывал окладчиков, которые поручались за каждого земляка, что он станет служить так, как ему по поместью надлежит, раздавали всем жалованье и расписывались. При этом окладчики показывали, кого нет и по какой причине в «нетях»; тут делались новые списки «нетям» и «естям».

Процедура оказывалась довольно длинной и сложной, да иною и не могла быть, имея дело с тяжелой деревенской кавалерией, не приспособленной к строю и правильным походам.

Иногда предоставлялось окладчикам отбирать беднейших людей и отправлять их на службы поближе, избавляя от дальних походов. По соображениям некоторых исследователей¹³, самое простое вооружение всадника и конь с годовым прокормом стоили на деньги того времени около семи рублей. Мудрено проверить такой приблизительный расчет. Но в общем эту сумму денежного жалованья в год получали люди нисшей служилой статьи, а для больших походов бывали прибавки. Таким образом, на подъем, на оружие казна давала кое-что, но прокармливались люди сами чем могли, и тут-то сказывалась привычная скудость быта и неприхотливость. Состоятельные люди забирали с собою шатры, переменных лошадей, везли в обозе целые телеги запасов деревенского хозяйства для себя и для своих вооруженных людей. Если припасов не хватало или с обозом случалось несчастье, люди промышляли в неприятельской земле, грабили и добывали прокорм. Небогатым дворянам плохо приходилось в походе, а их немногочисленной прислуге и холопам, конечно, и того хуже.

Герберштейн видел наших служилых людей в конце царствования Василия Ивановича III и немало дивился их неприхотливости, тому, как они на маленькое жалованье и свои скудные средства содержали себя и своих людей в походах. Если служилый человек ведет с собою несколько лошадей, то одну из них нагружают самыми необходимыми вещами; тут обыкновенно имеется просо в мешочке, фунтов 10 соленого свиного мяса; маленький мешочек соли,

смешанный, если хозяин посостоятельней, с перцем. Всякий имеет котелок, топор и трут. Если поблизости стоянки не найдется никаких плодов, ни дичины, русские воины разводят огонь, варят в воде просо, немного солят, и такой пищей господин и холопы живут и довольствуются по-дому; в виде лакомства к вареву прибавляют немного соленой свинины. Если господин очень голоден, он съедает все один; холопы же весьма искусно ухитряются поститься по два, по три дня¹⁴. На стоянках небогатые люди вместо палаток делают низенький навес из ветвей, покрывают его епанчой, прячут под него седла, оружие и кое-как укрываются сами от дождя. Лошадей пускают на подножный корм, и ради этого ставят свои шалаши далеко друг от друга, что довольно опасно ввиду неприятеля.

Так служили и наши мелкопоместные каширские помещики. Лично о каждом из Болотовых ничего нельзя сказать точного, кроме того, что дает писцовая книга; книги десятиен с их именами не дошли до нашего времени: на сторожах своей украины караулили они татар, рыли землю для рвов и валов, получая за эту службу 2–3 рубля прибавки в полгода. Дома им часто приходилось работать в поле за недостатком рабочих рук и притом не зевать: к ним и в мирное время легко могли забраться татары и затащить в плен прямо с пашни. Обижала и своя братия: сбившийся с толку боярский сын собирал вокруг себя любителей легкой наживы и ходил с топорами и рогатинами на помещиков и на крестьян; удалая шайка била своих же земляков до увечья и смерти, отнимала имущество, ничем не гнушаясь, часто для того только, чтобы немедленно пропить легкую добычу в первом кабаке. Подчас, как татарин, боярский сын завозил их жен и дочерей в свою усадьбу и старался закрепить их себе в холопство.

Уезды украины беспрестанно призывались к осторожности и держались наготове к войне. То и дело проскакивали мимо Каширы с дальних сторон гонцы или сами станичные головы; чуткие, привычные уши сторожевых разведчиков издали слышали на сакмах и шляхах топот коней передовых татарских всадников. «Позади сакмы слышен звук великий; чаяли приходу царева» (т. е. ханского) – докладывали головы в Москве кому следовало. К воеводам украины тотчас посылали из Москвы указ держать служилых людей наготове к походу; на Украину двигали сразу по нескольку полков. Все царствование Грозного полно таких степных тревог, отвлекавших его силы то от Казани, то от Ливонии и Литвы. Каширу сторожили известные воеводы того времени, но не всегда уберегали; в 1571 году допустили Девлет-Гирея сжечь Москву. На следующий год разоренные и истомленные украинцы опять было пропустили татар. Каширцы со сторожевым полком князя Шуйского защищали свой город и ближние берега Оки, а у Сенкина брода стоял всего один притин – место, огороженное плетнем, за которым сторожили 200 человек боярских детей.

Опытные мурзы Гирея выбрали удобное время, опрокинули притин, перебили маленький отряд и быстро переправились. Только близ Лопаски настигли татар воеводы и успешно отбросили в степи.

Грозное нашествие Казы-Гирея (1596 год) заключило ряд погромов, не дававших вздохнуть каширцам и их соседям, а затем последовала сплошная смута во всем государстве. Что тут случилось с семейками Болотовых, остается совершенно неизвестным. Приходится через всю эту эпоху перейти прямо к двадцатым годам XVII века.

Воцарение Михаила Федоровича далеко еще не принесло мира русской земле; оно дало только определенный государственный характер борьбе с врагами внутренними и внешними; только в этом смысле можно сказать, что смута кончилась. Наша тульская украина еще долго страдала от наездов казацких и польских отрядов, не желавших расстаться со своею добычею – расштатавшимся государством. То Заруцкий с Мариной перебирался из города в город, опустошая по дороге все, что еще уцелело от прежних набегов; то Лисовский проносился со своею конницей. В промежутках татары появлялись из степей, переправлялись через Оку и опустошали приокские города до самых подмосковных волостей. На Кашире и соседних с нею

местах оставалось очень мало служилых людей, – только те бедняки, которых избавляли от дальнего похода в Литву и под Смоленск, где своим чередом шла борьба с поляками. Часто случалось, что совсем некому было отражать опустошительные набеги; да и те воины, какие были, не получая подолгу жалованья, стремились в разбойничьи шайки. Масса дел и документов погибла за это время в разграбленных городах. Так, в Серпухове, разоренном в 1618 году гетманом Сагайдачным, погибли вместе с другими бумаги Болотовых.

Но и среди этой кровавой борьбы стойко продолжалась возобновленная государственная и административная деятельность; составлялись переписи служилых людей, недоросли и новики верстались поместьями, верных защитников Москвы награждали вотчинами; внутренний строй общества возобновлялся крепче, сложнее и определеннее прежнего.

1620 год застаёт потомство Романа Болотова в сравнительно лучшем положении по службе и по поместью. В деревне Трухине на берегу Дороховки жили теперь крестьяне; к поместью прибавилось две пустоши, и в нем считалось уже 200 четей в поместье; им владел сын Василия Романова, уцелевший от смуты, Таврило Васильев, по мирскому прозвищу – Горяин. Его старший сын Ерофей был в ту пору уже на службе и женат. Вероятно, его записали новиком в первую разверстку дворян и детей боярских, когда князь Хованский стоял с большим полком в Туле для защиты края от крымцев и татар.

Перетерпев смуту, Горяин посылал в Москву челобитные, чтобы ему снова справили необходимые грамоты на владение Трухиным, так как прежние погибли в Серпухове. Ему прислали обычную крепость¹⁵, перечислявшую его земельные дачи, с обычным наказом, чтобы «все крестьяне, которые в том поместье живут и на пустошах учнут жить, Горлина Васильева села Болотова слушали, пашни на него пахали и доход его помещиков платили». По годам, может быть, еще и не старик, Горлин сильно одрхлел в бедствиях кровавой эпохи и не имел сил служить. Через два года, в 1622 года, в Тулу прибыл князь Лыков¹⁶ и произвел разбор служилым тулякам и каширцам. Тут Таврило Горяин был отставлен от службы за старостью и увечьем; при этом до известной степени определилась служебная будущность его сыновей. Поместье, всегда связанное со службой, у неслужащего отняли и по обычаю, признанному законом, записали за самым младшим четвертым сыном, малюткой Еремеем; старшие должны были получить поместье отдельно, – шли в отвод, как тогда говорили. Но Еремей-малолеток только рос и воспитывался на своем уже порядочном для боярских детей поместье; поэтому за него отбывал службу и обязательно пользовался частью его доходов второй взрослый брат, Панкрат Горяинов по прозванию Безсон¹⁷. Его имени, впрочем, в десятне 20-х годов не оказалось, может быть, потому, что подлинники этих десятен пострадали во время московского пожара 1628 года. Третий брат Дорофей тоже не упоминается ни в каких служебных списках; только гораздо позже мы находим его имя в некоторых документах по поместным делам.

Старший сын Горяина, Ерофей, хорошо пошел по службе; ему, видимо, удалось отличиться или приобрести сильных приятелей. В 1622 году он записан в хорошей статье городских дворян с окладом (пока номинальным) в 400 четей. Но владел он всего 40 четями во Владимирском уезде, пустыми от казацкого разоренья; получены они, вероятно, в приданое за женой. Ерофей жил пока у отца и выходил на службу один на коне с самым обыкновенным вооружением¹⁸. Имея покровителя в Москве или родство по жене среди придворного ведомства, Ерофей мог со временем без труда попасть в жильцы и в московский список. Судя по дальнейшим успехам его дел и судьбе его сыновей, он был ловкий человек, а главное, «выгодно женился»: отец и брат его жены, Бандиковы, служили головами московских стрельцов и имели родных среди толпы служилого люда, наводнявшей крыльца и рундуки царских хором. Но дела не скоро делались; еще несколько лет пришлось ему потесниться в трухинской усадьбе, пока отвели ему землю, да пока он сам собрался с силами отстроить себе свою собственную усадьбу.

В эту пору хозяйство в Трухине является далеко не блестящим. На одном помещичьем дворе в клетях и избах жили семьи двух женатых братьев, старик Горяин и два юнца, будущие новики. На деревне у них стояли только два крестьянских двора, – один пустой, в другом жил крестьянин с двумя племянниками, – да в двух меньших дворах сидело по одному бобылю. На все 200 четей оклада приходилось вряд ли пять взрослых работников, во всяком случае, меньше, чем ртов в помещичей усадьбе¹⁹. Не очень сытно кормились с Трухина служилые люди и особенно их подневольные, ходившие с ними в походы. Чваниться и барствовать не приходилось; подобно многим своим современникам²⁰, наши Болотовы должны были работать на поле вместе со своими бобылями. Впрочем, по большей части только женщины да старые и малые оставались в усадьбе; взрослых служак то и дело снаряжали в походы.

Панкратий Безсон, отбывая службу за себя и за брата Ерему, ходил под Смоленск во время неудачной осады Шеина. Эти походы в Литву, продолжительные и разорительные, считались особенно тяжелыми для служилого сословия. То были не отражения татарских набегов, не погоня за степняками, тут требовалась стойкость, рассчитанная выдержка, умение распорядиться всеми своими силами. А наши войска из необученных военному строю помещиков, без правильного содержания, на истощенных травяным кормом конях, часто оказывались вовсе неприготовленными к продолжительным походам в неприятельские земли. Старинные документы рисуют такие тяжелые картины военной жизни и походного обихода, которые вполне объясняют обилие «нетей» и побегов из полков. Измученные голодовкой, без надзора и попечений, помещичьи латники и холопы толпами бегали от своих господ, а помещики, особенно одинокие бедняки, охотно скрывались от своих голов и окладчиков.

Тогдашняя служба рассчитывала на крайнюю неприхотливость и привычку к скудости, на железный закал и бесшабашную смелость русского человека. В XVII веке недостатки нашего старинного строя сделались так ощутительны, что с воцарением Михаила Федоровича появляются вполне ясные признаки перехода к западному регулярному строю, и с каждым походом появляется все больше и больше солдат, рейтар и драгун под начальством иностранных офицеров.

Итак, наши воины любили отмечать литовские и смоленские службы с ударением, как особенно тяжелые. Из довольно ветхого дела²¹ узнаем, что Безсон сильно пострадал от «смоленской нужи», как свидетельствовал кто-то от имени Еремы; как больного или изувеченного младший оставил его на покое в своем поместье и отправил вместо себя в полковую походную службу какого-то Семена Чортова, но и Семен был где-то зарублен. Не долго протянул и страдалец смоленской нужи; он отбыл на вечный покой, не справив за собой собственного, отдельного поместья, и ни разу не появившись в списках самостоятельным лицом. Предназначенные ему 95 четей из свободного соседнего поместья были справлены уже за его сыновьями-малолетками.

Пока старшие служили, младшего пробовали обижать тяжбами. Земляки каширцы Сонин и Тарбеев задумали оттягать у Болотовых Трухино; они ссылались на то, что Еремей Горяйнов владеет им не по праву, без дач и государевой грамоты. Еремей немедленно подал ответное челобитье с указанием всех необходимых крепостей, по которым владеет, и дело прекратилось²². Старинные приказы бывали наводнены такими тяжбами: дворяне, имевшие маленькое поместье сравнительно с окладами, могли бить челом на поместья, которыми, по их мнению, помещики владеют неправильно. Если они оказывались правы в своем челобитье, то могли получить прибавки из неправильно захваченных поместий.

Наконец, и Ерема попал на службу. В 1638 году²³ в Туле воевода князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский произвел общий смотр служилому люду всех чинов и статей, от старых служак, страдавших под Смоленском и Можайском, до новиков и новых солдат и рейтар. Мелких помещиков, имевших не более 2–3 душ крестьян и бобылей на своих землях, кото-

рым по бедности было слишком трудно служить на своем иждивении в городском поместном полку, воевода по указу записывал в солдаты и рейтары; этим людям, служившим в полках нового строя, выдавали из казны по 8-7-ми² денег в сутки; лошадей и оружие они тоже получали от казны. Новик Еремей Болотов как владелец 200 четей и пяти рабочих душ был внесен в низшую 4-ю статью старой поместной конницы, с окладом в 200 четей земли и шестью рублями годового жалованья. Судьба его оказалась впоследствии довольно любопытной и даже романичной, и потомок-писатель посвящает ей несколько сентиментальных страниц в своих записках.

Незадолго до составления писцовой книги 1629 года (1624–1625 годы) Ерофей Горяинов получил близ Трухина отдельное поместье в свой оклад и начал устраиваться в своем хозяйстве. К сожалению, не сохранилось никаких известий о том, как и от кого он получил это поместье, состоявшее из деревни Дворениновой Луки в 125 четей в поле и двух жеребьев запустевшей деревни Дятловки в 150 четей²⁴. Первая была, может быть, выселками старого Дворенинова, принадлежавшего в XVI веке Коптевым и находившегося тоже на берегу Скниги. Прозвище болотовской деревни скоро укорачивается и обращается просто в Дворениново, впоследствии – приют муз литератора нашего просветительного века.

Ерофей повел хозяйство для своего времени обстоятельней и лучше своих братьев. На высоком, крутом берегу красивой Скниги у него стоял обширный помещичий двор. Сам всегда в походах, вдали от дома, он первое время сосредоточивал здесь в своей усадьбе все свои хозяйственные силы под надзором жены Дарьицы. В 1629 году у него еще не было крестьян; в Дворенинове числилось только пять пустых мест, где когда-то стояли тяглые крестьянские дворы, да четыре места виднелись в Дятловке. Хозяйство велось руками трех деловых людей и одного бобыля, переведенного из другой запустевшей деревни. Все четыре работника жили с семьями в усадьбе, в деловых людских избах, пока Ерофей не окреп хозяйством. Поокрепнув, он быстро обзавелся крестьянами, даже своих деловых людей перевел на крестьянские тяглые дворы.

Дело в том, что Болотовым удалось выхлопотать себе в раздел большое соседнее поместье, оставшееся без владельца. В 1631 году²⁵ умер князь Шестунов из рода богатого и знатного в XVI веке и сошедшего со сцены в XVII веке; не имея сыновей, он оставил 700 четей земли в трех уездах, и поместный приказ сам распорядился ими. Костромское поместье назначили на прожиток вдове княгине, Галицким наградили зятя покойного, князя Щербатова, а Каширское по челобитью трех старшин Болотовых дали им в раздел.

Раздел произошел в 1632 году под надзором губного старосты города Серпухова, Цвиленева²⁶. Староста ездил лично с дьяком в выморочное поместье, осматривал его с понятными и описывал. В старину это было большое поместье из двух сел и сельца; одно из них, Шахово, принадлежало когда-то знаменитому роду князей Гундоровых. Теперь все это обратилось в сплошные пустоши; крестьяне давно разбрелись; где 20, где 26 пустых дворовых мест виднелись вокруг заброшенных усадеб; заброшенные чуть ли не со времен Казы-Гирея пашни заросли на 100 и более четей хорошим строевым лесом. Последнего задворного человека Щербатов свез в свою вотчину, а последний крестьянин сбежал, и всю его рухлядь свезли к себе соседние государственные крестьяне.

Губный староста отделил из этой обширной пустоши 284 четей и разбил их на три равные участка в 95 четей с лишком каждый, с одинаковым количеством пашни, леса и сенокоса. Ерофею участок пошел в прибавок за его усердную и успешную службу и дополнил его оклад до 415 четей, а Дорофей и Безсон получили здесь свои первые наделы. Безсон умер, не дождавшись крепостей на свою землю.

---

² Так в оригинале. – *Примеч. ред.*

Округлив свое поместье прибавком пашни и леса, Ерофей мог изменить свое хозяйство на более спокойный для себя порядок и более выгодный для своего рабочего, страдного люда²⁷; он понемногу отстроил тяглые двory и переписал своих работников в крестьяне. Мелкий, но любопытный факт, показывающий, как условия хозяйства, экономические интересы помещика смешивали совершенно различные для государства сословия несвободных, обязанных людей. Может возникнуть, конечно, подозрение, не скрыл ли Ерофей перед переписью 1629 года у себя во дворе крестьян, показав их деловыми людьми, как это делали многие помещики. Но тогда оказались бы пустые двory в его деревне; в писцовой же книге записаны не двory, а старые дворовые места. Кроме того, странна непоследовательность: удачно скрыв тяглых в первый раз, он в следующую перепись не пробует скрыть ни одного, показав больше дворов, чем у него было дворовых мест.

По-видимому, тут совершился целый хозяйственный переворот; помещик разжился землей, приобрел много хорошего леса и попробовал устроиться иначе. Та же Шестуновская дача принесла ему к указываемому времени еще доход, о котором узнаем из позднейшего документа, а именно из договора внуков и детей Ерофея с внуками гамбургца Марселиса. Петр Марселис²⁸ снял у Горяйнова часть его пустоши на берегу Скниги под новый железный завод; судя по возобновленному договору, он платил за пользование землей и строевым лесом деньгами, разными железными поделками, строил помещику плотины, мельницы, чинил строения и т. д. Соседство такого промысла должно было доставлять крестьянам и помещику немало доходов и удобств. На выгоды от заводов указывали и мнения выборных на земских соборах, когда разбирали права иноземных купцов.

Что в крестьяне были переведены деловые дворовые люди Ерофея, очевидно из внимательного чтения описей Дворенинова в писцовой книге 1629 года и переписной в 1646 году.

1629 г.

Деловые люди:

- 1) Марчко Антонов
- 2) Игнашко Матвеев
- 3) Демка Гаврилов (бывший бобыль)
- 4) Гришка Венюков

1646 г. Крестьяне:

- 1 двор Костюшко Марков
- 2 двор Архипко Марков с братьями, дети Кащевы
- 3) Игнатко Матвеев
- 4) Демка Гаврилов
- 5) двор Григорий Лукьянов

К этому числу Ерофей привлек трех новых крестьян и одного бобыля, которого поселил в Гвоздевке; всего на всего в эту пору за ним числилось 18 крестьян, два бобыля и ни одного делового человека. Нам неизвестны условия, свойства записей или крепостей, по которым жили деловые люди на дворе Ерофея, а эти условия бывали очень разнообразны в XVII веке. Неизвестно, взял ли помещик с них новые записи, переводя их в крестьяне. Во всяком случае, то были люди запрожденные, зависимые; дети их родились в этой зависимости на барском дворе и становились старинными, кабальными людьми. Давно закрепленные семьей своего помещика, работники переехали на тяглые двory, и там переписью 1646 года были навеки со своим потомством прикреплены к земле.

В Трухине ж у Еремея Горяйнова хозяйство шло по старинке, без изменений. Там через 17 лет после писцовой книги 1629 года стояли все те же три двора – один крестьянский и

два бобыльских; завелся было третий бобыльский двор, но крестьянин, перешедший на этот низший надел, скоро сбежал с семьей. Всего у Еремы жило 10 человек, четверо крестьян и шестеро бобылей. Завелась в это время деревушка и у Дорофея Горяйнова, но весьма жалкая; она состояла из помещичьей усадьбы и одного крестьянского двора и называлась Гвоздевкой, по имени главной Шестуновской пустыни.

Теперь следует упомянуть об одном дальнем родственнике и современнике Горяина и его сыновей, любопытному, правда, только по тяжбе, которую ему пришлось вести под конец жизни. В XVI веке мы видели три семьи Болотовых в Безпуцком стану; в XVII веке от них остались только два потомка: Григорий Васильев и его племянник Лукьян, – один сын, а другой – внук Василия Петрова, основавшего деревушку Новое-Болотово. Дядя пользовался $\frac{2}{3}$ поместья, а племянник – $\frac{1}{3}$. Ни тот ни другой не имели ни одного жилого крестьянского двора; у них стояли только усадьбы, да показаны старые дворовые места; даже деловых людей за ними не было.

Григорий Васильев служил давным-давно: в 1622 году он записан в статье городских дворян рядом с Ерофеем с окладом в 250 четей; но на деле он владел всего 86 четями из отцовского поместья и не получал никаких прибавок за службу. Только когда умер племянник Лукьян бездетным, дяде без спора передали остальную часть Болотова – 36 четей и пустую усадьбу. На старости лет Григорий оказался вдов, бездетен и совсем одинок; он уже собирался мирно удалиться в монастырь, в тепле и покое доживать свой век, как его поместье, выходящее из служилых рук, сделалось добычей алчных исканий. Бумаги, рисующие это дело, весьма ветхи, ни года, ни судебного решения при них нет, так что о результатах тяжбы можно судить только по позднейшим фактам.

Из родных у старика были только Болотовы Тешиловского стана да зять, небогатый помещик Писарев. Еще при жизни жены тесть, оказывается, уступил зятю 40 четей из своего поместья с тем, чтобы последний содержал его. Писарев подал челобитную от себя и от имени тестя в поместный приказ, прося укрепить за собою эти 40 четей. Не успели исполнить этой просьбы, как в следующем году явились новые претенденты на Болотово. Какой-то подьячий подал новую челобитную тоже от имени Григория, в которой тот удостоверяет, что он передумал и теперь всем поместьем сполна поступается родичам Еремею Гаврилову да племяннику Панкрату Безсонову с тем, чтобы они его содержали. Что же касается уступки зятю 40 четей, то он, старик, сделал это, не посоветовавшись со своими родными; зять же, кроме того, ни в чем его не почитает, не поит и не кормит, а потому ему, Писареву, «до того поместья больше дела нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.